

Такая ли любовь?

ВЫ ВХОДИТЕ в зрительный зал Театра имени Руставели в вечер показа спектакля «Такая любовь»... Занавес отсутствует, и поэтому сразу бросается в глаза своеобразный принцип оформления, предложенный художником Д. Тавадзе: черные сукна, черный станок с выдвинутым в партер помостом, две черные скамьи, черное высокое кресло и больше ничего... Это сразу создает ощущение траурной торжественности, возникает тревожная, шемлящая, трагическая нота...

Еще не погасли люстры, еще шумит зрительный зал, когда из публики выходит крупный человек, одетый в строгий костюм. У него сильное, волевое лицо, седые виски, грустные глаза. Это С. Закарнадзе — исполнитель центральной роли Человека в мантии. Он обращается к зрителям и говорит тихо, спокойно, его слов сперва почти не слышно... Затем все затихает, внимая артисту. Он медленно поднимается на помост, тяжелыми шагами направляется к креслу, надевает черную мантию и вызывает действующих лиц...

Так, одновременно и сурово-сдержанно, и камерно-интимно начинается спектакль... Но по мере развития действия эта камерность исчезает, все напряженнее и громче звучит трагедийная тема спектакля, подчеркиваемая режиссером М. Туманишвили. И это заставляет задуматься...

Нам кажется, что П. Когоут не ставил перед собой задачу написать трагедию о современном обществе. Своей пьесой, несущей мысль добрую и гуманную, он призывал бороться за человека, ратовал за чуткое и постоянное светлое отношение к нему, сражался с недостатками, еще бытующими в современной ему действительности. Спектакль же получился куда более трагическим, где-то даже страшным. Так, скажем, он отчетливо раскрывает, кто, по мысли режиссера, убил Лиду Матисову.

В этом отношении весьма показательна сцена гибели героини.

Вот. окончательно сломленная услышанным на вокзале разговором Петра с женой, Лидя уезжает... Вспыхивает экран, на котором мы видим рисованный портрет этой красивой, привлекательной девуш-

ки. Портреты даются анфас, в профиль... Девушка полна сил, радости, счастья. Затем на экране возникает то же лицо, подернутое маской страдания и ужаса. Сквозь экран видны фары приближающегося поезда, слышен нарастающий шум колес, он все ближе, ближе... Гаснет свет. Человек в мантии поднимает белую газовую косынку и бережно кладет на скамью, где раньше сидела Лидя...

Преступление совершилось, как бы говорит режиссер, равнодушие, ханжество общества убили человека. Лидя покончила с собой, не найдя выхода из тупика.

Невольно рождается ассоциация с трагической историей гибели Аниа Карениной, бросившей вызов бездушному аристократическому обществу. Ассоциация сомнительная, неправомочная. Но она возникает...

Мы глубоко уважаем богатые традиции грузинского театрального искусства и его ведущего коллектива — Театра имени Руставели, всегда утверждавшего высокую романтику, всегда стремившегося к монументальной, выразительной форме. Талантливый М. Туманишвили, творчески развивая эти традиции, в то же время стремится привести в искусство руставелинцев что-то свое, неповторимое, новаторское.

Да, в спектакле «Такая любовь» мы увидели и монументальность, и крупные характеры, в нем кипит жгучие, неистовые страсти. Впечатляет своеобразие формы, острота и выпуклость мизансцен, «магическое» появление аксессуаров оформления, когда рабочие сцены, одетые в черные комбинезоны, сливаясь с сукнами, бесшумно и незримо устанавливают их на сцене. Впечатляют и наплывы пражских пейзажей, проектируемых на экран. Мы признаем право режиссера по-своему трактовать пьесу, вносить в спектакль своеобразие своего национального характера. И все же думается, что спектакль тбилисцев, пожалуй, сыграл, если бы М. Туманишвили сильнее почувствовал своеобразие поэтики принятой им пьесы.

И здесь хочется провести некоторые сопоставления со спектаклем Пражского реалистического театра, который первым поставил «Такую любовь».

Мы далеки от мысли канонизиро-

вать какие-либо решения пьесы или настаивать на них. Но нам представляется, что Реалистический театр прочел «Такую любовь» более тонко и точно, хотя и у тбилисцев нельзя отнять ряд находок и интересных поисков.

Пьеса П. Когоута обращена не только к сердцу, но и к разуму зрителя. Автор с помощью Человека в мантии допытывается, доискивается до истины, раскрывая внутренний мир людей, заставляя заглянуть в самые затененные уголки их душ, как бы прodelывает тонкое аналитическое исследование. В пражском спектакле Человек в мантии олицетворяет собой справедливость, но это не ходячий символ. Актер В. Тауб, будучи глубоко заинтересованным в своем исследовании, до конца остается объективным. С. Закарнадзе вместе с режиссером видит в Человеке в мантии заинтересованного, страстного защитника Лиды Матисовой. Мысль интересная и как будто плодотворная. Но и спорная. От кого защищает и почему защищает Лиду Человек в мантии? Почему он так трагически переживает все перипетии истории? С. Закарнадзе играет великолепно, он мучительно страдает, ненавидит, презирает, разоблачает. Но все усилия его напрасны: Лидя гибнет. Значит, он бессмыслен в борьбе со злом, значит, это глубокая и страшная болезнь общества?

Петр Петрус Ф. Горак из Пражского театра обаятельный, умный человек. Он любил Лиду Матисову, при встрече это чувство вспыхнуло у него с новой силой. Но Петр оказался трусом. Из-за своей трусости, из боязни он стал ханжой, во имя мелкого благополучия он прошел мимо своего большого, настоящего счастья. Поэтому понятны его презрение к самому себе и страдания в финале.

У тбилисцев Р. Чхиквадзе играет Петра человеком внутренне холодным, расчетливым. В Лиде он видел только любовницу. Что же, как будто трактовать этот образ можно и так. Но тогда невольно возника-

ет дискредитация Лиды. У М. Чхавы это искренняя, духовно богатая, умная девушка. Неужели она так ослеплена чувством, что не разглядела столь явных пороков возлюбленного? Что ж, в жизни всякое бывает... Но как быть с финалом пьесы, когда Лидя, уже все зная о Петре, тем не менее готова повторить историю сначала? Она любит его, любит, очевидно, то лучшее, что есть в нем. Но как быть, если в Петре Р. Чхиквадзе ничего хорошего просто нет? Не значит ли это, что Лидя — заурядная девица, которую привлекла красивая физиономия Петра?..

Актер Пражского театра И. Вилкларж обрисовал Милана Стибора юношей, искренне любившим Лиду, но избалованным матерью. Он и Лиду любил эгоистически. Т. Сагарадзе — Милан снедаем безумной страстью, его чувство мучительно, как тяжелая болезнь, от которой он корчится и чуть ли не скрежещет зубами. Актер почти все время играет фортиссимо...

Работник отдела кадров Тошей В. Губера (Пражский театр) — это человек, хотя и довольно обыкновенный, не очень далекий, мыслящий формулами, но жизнерадостный, простой в общении и искренне заблуждающийся. Артист же К. Саканделидзе изображает злодея, своеобразного Вурма, человека жесткого и колючего.

Так резко отличается трактовка образов в пражском и тбилиском спектаклях.

Спектакль «Такая любовь» — крупное и значительное явление в театральной жизни Тбилиси. Нам не хотелось бы бестактно вмешиваться в творчество талантливого М. Туманишвили. Это, несомненно, режиссер смелой, ищущей мысли, острого видения формы. Но мы хотели бы, чтобы режиссер задумался... Это всегда полезно для идущего впереди!

Ю. МАЛАШЕВ,
спец. корр. «Советской культуры».
ТБИЛИСИ—МОСКВА.

Советская Кинематография

20.11.60